

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КОЛЛЕКТИВИСТСКИХ И ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Грищенко Михаил Александрович директор Колледжа права и социальной безопасности Ростовского института защиты предпринимателя, соискатель, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160).
E-mail: mihail_ag@mail.ru

Аннотация

Целью статьи является исследование структурных и институциональных параметров воспроизводства коллективистских и индивидуалистических ценностей в жизненных стратегиях россиян. Автор статьи исходит из того, что приоритетным в формировании жизненных стратегий россиян являются жизненные цели, которые реализуются в контексте оценки шансов, коридора возможностей и моделей успеха и полезности. Согласно позиции автора, на ценностный набор россиян социальные неравенства и слабая институциональная среда оказывают блокирующее влияние, что результируется в символизме коллективистских ценностей и инструментализации индивидуалистических ценностей.

Ключевые слова: коллективистские ценности, индивидуалистические ценности, жизненные стратегии, отбор ценностей, оценка шансов, коридор возможностей.

В российской социологии зафиксировано, что коллективистские и индивидуалистические ценности располагаются в ценностной картине российского общества парадоксально: с одной стороны, коллективистские ценности носят символистский объединяющий смысл, с другой – на уровне конкретных социальных действий значимыми являются индивидуалистические ценности, ценности процветания, успеха, потребления. Таким образом, жизненные стратегии россиян можно рассматривать как переход от ценности к действию через селективные механизмы, механизмы отбора ценностей по критерию значимости, полезности для индивида. Такая исследовательская ситуация обязывает рассматривать коллективистские и индивидуалистические ценности в рамках действующих в обществе ограничений, социального позиционирования и уровня функционирования институциональной среды.

В том, что структурные социоструктурные условия влияют на выбор ценностей, закрепляют разнородность ценностных ориентаций россиян свидетельствует тот факт, что в ценностном аспекте обнаруживается то, что мы называем постсоветская и цивилизационная компонента. Постсоветская – связана с тем, что можно охарактеризовать выживанием, а затем стабилизацией экономического и социального порядка [1, с. 31]. На раннем постсоветском этапе развития жизненные стратегии реализовались в соответствии с адаптивным потенциалом личности и приоритетным являлось, во-первых, вынужденное или добровольное включение в процесс адаптации в зависимости от социальной ресурсности или символического капитала личности. Эту ситуацию достаточно подробно описала М.А. Шабанова, когда показала актуальные в российском обществе типы адаптации (добровольная, добровольно-опережающая, вынужденная, вынуждено-опережающая).

Речь шла о том, что изменения социальных условий, радикальная смена формата социальных отношений приводит к тому, что на первый план выходят проблемы самовывживания и саморазвития. По существу, обретение новых стратификационных

признаков, деление общества по социально-имущественному, социально-профессиональному, социально-территориальному критериям имеет следствием формирование жизненных стратегий, заданных как шансами личности, так и одобряемыми в обществе целями и ценностями.

При том, что социальная стратификация основывается на изменении института собственности, переменами в системе занятости, качества жизни и состоянием ценностно-нормативной системы, можно говорить о стабилизации социальной структуры российского общества в настоящий период. Как явствует из исследований российских социологов, при том, что по социально-имущественному критерию, по уровню доходов в обществе есть богатое и бедное меньшинства, ядро общества составляют средний класс и примыкающие к нему группы. Предложенная схема не является полной и не претендует на роль ключевой, но в ней схематично отображаются социальные различия, которые привели к появлению новых социальных слоев и групп и модификации старых базовых слоев.

Рассматривая структурные условия формирования жизненных стратегий, можно говорить о том, что в российском обществе сосуществующие прежнесоветская и новая постсоветская социальные структуры своеобразно переплетаются друг с другом [1, с. 96]. Указывается на три пути формирования новой социальной структуры и ее состава, возникновения новых социальных общностей на основе плюрализации форм собственности, изменение на базе трансформации государственной собственности положения традиционных классов групповых общностей, появление слоев (стратов) на основе взаимодействия различных форм собственности.

Допуская, что социальные слои и группы находятся на различных уровнях своего созревания, что для исследования социальной структуры требует применение многомерных стратификационных моделей с использованием таких критериев как имущественное положение, доход, образование, позиции во властной структуре, социальный статус и престиж, самоидентификация актуальным представляется дополнением рассмотренных аспектов ценностным измерением. Структурные ограничения проявляются не только в уровне доходов, качестве жизни, социально-профессиональных критериях, шансах занятости, но и в социальной самооценке, связанной с разными сферами жизнедеятельности людей [2].

Россияне оценивают ситуацию в стране и свои собственные перспективы с точки зрения понимания специфики социальной группы. Это подтверждается, на взгляд М.К. Горшкова, тем, что оценка ситуации в обществе как катастрофической, сложной или терпимой измеряется социально-демографическими, социально-экономическими показателями, качеством социально-психологического состояния [3, с. 28-29]. Влияние ценностей определяется тем, какими видят свои социальные перспективы представители этих групп, в какой степени ценности коллективистские или индивидуалистические соответствуют накопленному опыту и моделям успеха или повышению чувства собственной безопасности, пролонгации социальных позиций.

Судя по результатам социологических исследований, очень важными для большинства населения страны являются только их семья (88%) и работа (55%) это базовый показатель для понимания социальной структуризации российского общества. Так как для подавляющего большинства желаемая модель жизни включает такие важнейшие сферы, как хорошая семья, друзья, работа, свободное время [4, с. 35]. Следует отметить, что нацеленность на семью и работу выявляет два важных фактора зависимости, во-первых, сосредоточение на семье, как концентрированном выражении успеха (хоро-

шая семья – значит жизнь удалась), это происходит отчасти потому, что иные сферы социальной самореализации как работа, общественная деятельность, досуг не являются значимыми в условиях структурных ограничений.

Можно представить, что семья и работа выглядят двумя составляющими в силу социальной конфигурации российского общества, ее неравенства возможностей, которые определяются не только актуальным социальным положением, но и семейным капиталом. Короче говоря, на семью возлагаются надежды, семья является наиболее достижимой и, в то же время, наиболее уязвимой целью жизненных стратегий. Обзаведение семьей является минимальным критерием жизненного успеха, что подтверждается непрочностью семейных связей в России, которые рушатся и под напором тяжелых социально-бытовых обстоятельств, кризиса семейного счастья и несоответствия ожиданий партнеров в семье.

Говоря об этом, также следует подчеркнуть, что семья, хотя и уравнивает россиян в жизненных стратегиях, в то же время имеет важную составляющую в виде работы. Так как большинство россиян зависят от заработка и не являются акционерами, рантье, представителями свободных профессий, можно говорить о том, что сложившаяся социальная структура российского общества при установке на постепенные жизненные стратегии, которые характеризовались нарастающим успехом, материальное процветание ставит, хотя и желательным, но труднодостижимым условием жизни. Семья, с одной стороны, инструментальна как цель жизненных стратегий, с другой – отражает традицию, коллективистские ценности, но при этом в обществе различаются модели семейной жизни, также как и показатели успешности как друзья и свободное время.

Речь не идет о постматериалистических ценностях, а о том, что в условиях доминирования адаптивных стратегий за свободным временем и друзьями закрепляются признаки зависимости, ухода от действительности или расширения жизненного успеха. Социальная структура российского общества, в котором большинство составляют представители среднего класса, или примыкающие к нему группы, по критерию социального самоощущения, связаны с коллективными ценностями, как всеобщими, подтверждающими похожесть на других. В то же время, ценности индивидуалистические, как показывают социологические исследования, имеют ограничения, в частности, проведение исследования положения бедных россиян свидетельствует о том, что такие аспекты повседневности как материальная обеспеченность, питание, одежда, жилищные условия, здоровье по показателям разнятся между бедными и небедными слоями [5, с. 20].

Это означает, что наряду с тенденцией качественного ухудшения восприятия разных сторон своей жизни, бедные формируют пессимистическую оценку своей жизни, исходя из того, что потребительские стратегии, как показатель успеха, не являются полностью реализуемыми. Поэтому, для бедных слоев, по сравнению с «небедными», свойственно стремление к обладанию базовыми признаками успеха (телевизор, стиральная машина, холодильник, пылесос), но спектр имущества, хотя обладание имуществом и является следствием «быть не хуже других», «жить в кредит», «влезать в долги», но и одновременно показывает в какой степени в российском населении не распространены стратегии бережливости, накопления, откладывания на будущий день.

Это нельзя объяснить только воздействием маркетинга, но и речь идет о повышении своей самооценки через приобретение имущества, не соответствующего положению в обществе (так называемая компенсаторное потребление) [5, с. 25]. Делая такое обобщение, можно говорить о том, что социоструктурные изменения привели к тому,

что в российском обществе не только не одобряется бедность с морально нравственной точки зрения, но и коллективистские ценности, имеющие символический смысл, слабо влияют на динамику позитивного отношения к бедности. Иными словами, россияне ориентируются на некий стандарт потребления и успеха, связанный с преодолением структурных ограничений, с тем, чтобы быть лучше, чем оно на самом деле есть.

Так как социоструктурные ограничения показывают перспективу примыкания низкодходных слоев населения к среднему классу, но при этом фиксируют риск нисходящей социальной мобильности и невозможность выхода в элиту, индивидуалистические ценности выражаются в успехе, полезности, достижимости результатов. Влияние социоструктурных ограничений на принятие привязанности к ценностям фиксируется на уровне, во-первых, выбора ценности успеха, как это мы видели на примере работы и семейной жизни, во-вторых, отклонение ценностей, связанные с богатством, славой, известностью, процветанием. Выработалась работающая ценностная модель в соответствии с социоструктурными ограничениями. В этой модели слабо представлены ценности самореализации, карьеры, индивидуального самовыражения и проявляют сильное влияние ценности, способствующие поддержанию завышенного социального самочувствия.

В условиях резкой социальной и имущественной дифференциации в обществе коллективистские ценности не могут иметь консолидационный потенциал, потому что фиксируют принадлежность к некой абстрактной общности, особенно это касается цивилизационного компонента. Реально, социоструктурные ограничения создают позицию толерантности к богатству и замалчивания бедности. Богатство не порицается в противовес скромности и бережливости, богатство исключается из ценностного ряда в силу своей недостижимости. Характерно, что в стремлении достичь материального успеха россияне, как правило, используют традиционные, привычные способы и возможности (образование, переподготовка, совершенствование работы на компьютере) [5, с. 33].

Таким образом, рассматривая социоструктурные ограничения, действующие на жизненные стратегии россиян, можно говорить о том, что модель успеха, возникшая в период формирования и развития адаптивных стратегий предполагает отказ от традиционных символов, ориентирует на модель приемлемого, достижимого успеха, в которой есть самооценка принадлежности к большинству и стремление ощущать себя богатым или бедным.

Коллективистские и индивидуалистические ценности выступают, таким образом, ситуативно. Для российских богатых важен символизм коллективистских ценностей и инструментальность ценностей индивидуалистических. Структурные ограничения выражаются в том, что коллективистские ценности не ограничивают простор инициативе, деловитости, совершению выгодных сделок, но, вместе с тем, создают репутацию, не обязывая при этом вступать в диалог с обществом. Для среднего класса российского населения характерно умеренно скептическое отношение к коллективистским ценностям, так как для них это ценности парадные, лояльные, актуальные в контексте проявления патриотизма, но не обязательные для активизации гражданских ценностей [6].

Отсутствие гражданских ценностей, как медиаторных, между коллективистскими и индивидуалистическими создает немалые сложности с тем, что жизненные стратегии среднего класса модальны в отношении семьи, работы, занятости и не предполагают социальной активности, связанной с набором таких качеств, как уважение к закону, гражданский патриотизм, социальная эмпатия [7]. Структурные ограничения заключаются в том, что российский средний класс, как свидетельствуют социологические исследования, имеет

особенность в том, что сохраняется ядро среднего класса, для которого свойственны достаточные материальные, ресурсные признаки и позитивная самоидентификация [8, с. 31], но, вместе с тем его ценностные параметры не обосновывают принятие коллективистских ценностей, как критериальных признаков среднего класса.

Причина заключается в том, что есть различия между обобщенным средним классом и социально-профессиональным средним классом. Если для первого свойственна размытая амбивалентная структура коллективистских ценностей, вторая группа, которую можно условно назвать ядром, принимает профессиональные ценности, которые выступают коллективными, но не являются ценностями высшего уровня, имеющими консолидационный потенциал для всего российского общества.

Таким образом, структурные ограничители характеризуют дистанцию между средним классом и элитой в наборе профессиональных ценностей и ценностный барьер с бедными слоями населения по поводу инструментальных ценностей. Бедные слои российского населения дифференцированы, как выявлено ранее, по социально-имущественным признакам и страдают определенной степенью социальной депривации. Для них коллективистские ценности есть возможность почувствовать себя гражданами, в инструментальных ценностях бедный класс не отличается от моделей успеха, констатируемых в среднем классе. Это не создает условия сближения, так как мечты бедных вырваться из ловушки бедности путем приближения к среднему классу не «отягощены» ценностными параметрами.

В российском обществе отсутствует референтность модели успеха среднего класса, это связано с ценностями обладания, набором признаков успеха в виде предметов быта и выработанной в российском обществе модели «что значит быть успешным россиянином». Избыточные социальные неравенства, как выявил О.И. Шкаратан, определяются сословными признаками, не имеющими отношения к продвижению индивидуалистских ценностей, которые могли бы быть интерпретированы как достиженческие. Так как шкала достиженческих ценностей слабо проявляется и может быть ассоциирована условно с профессиональными, индивидуалистические ценности не относятся к ценностям смысла, а легитимируют модель успеха.

Можно говорить о том, что в рамках реализации поставленной цели исследования ценностные параметры уступают социально-профессиональным. В этом смысле есть особенности, которые состоят в том, что на активность того же среднего класса карьеристские ценности не влияют. Можно предположить, что для 4,4% представителей ядра среднего класса [8, с. 382] мотивация заключается в массовом самовыражении, в том, чтобы равняться на заимствованные образцы, но это слабо относится к коллективистскими ценностями, так как отсутствует ссылка на социокультурную традицию.

Отмечая, что средний класс наиболее чувствителен к любым воздействиям, ущемляющим его безопасность, социальное положение можно говорить, что в России средний класс не обладает ресурсами воздействия на высшие социальные слои, так как правовые механизмы отрегулированы слабо, а коллективистские ценности, которые разделяются как символические установки и одобряются всеми не являются условием для социального взаимодействия, для того, чтобы высшие социальные слои и средний класс придерживались консолидированной позиции не навредить, а наоборот испытывать «чувство локтя» по отношению друг к другу.

Для бедных слоев населения коллективистские ценности легитимируют доминирующий способ обращения к государственной защите, к опеке со стороны государ-

ства, так как социальная активность в этой группе достаточно низка и ее объединяет солидарность отчаяния. Можно говорить о том, что для российских бедных индивидуалистические ценности, выступающие как проявление стремления к нормальности не связываются с развитием профессиональных качеств или с тем, чтобы приблизиться к среднему классу действуя по параметрам группы, нуждающейся в помощи и сочувствии.

Характерно, что есть поколенческая дифференциация в группе бедных, когда ее молодые представители демонстрируют крайний индивидуализм, в частности 63% заявляют, что современный мир жесток и можно переступить через моральные принципы и нормы, в то время как среди старшего поколения эту позицию разделяет 31% [5, с. 45]. Очевидно, что нужно исходить из того, что старшее поколение бедных это пенсионеры, люди «выключенные» из активной социальной и экономической жизни, а бедные – вступающая во взрослую жизнь молодежь, имеющая узкий коридор возможностей, слабый семейный капитал и невысокие социально-профессиональный уровень.

В этом отношении можно говорить о том, что российские бедные не образуют единый массив ценностных установок, так как включает разнородные слои общества, объединенные интегративным признаком бедности, понимаемой как состояние ресурсности ниже социального минимума [9]. С другой стороны – следует подчеркнуть, что индивидуалистические ценности воспринимаются в большей степени символически, так как речь идет о том, что при доминировании ценностей индивидуальных, имеющих внешне позитивный смысл, реальность состоит в том, что для бедных свойственны стратегии вынужденной адаптации, которые ориентируются не на ценности, а объективные (обстоятельства жизни).

Характерно, что в российском обществе есть определенное единство признания того, что человек должен иметь доходы, которые заработал честным трудом (ядро среднего класса – 72%, периферия ядра – 69%, остальное население – 70%), в своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы была спокойная совесть и душевная гармония (ядро среднего класса – 79%, остальное население – 76%). Более половины россиян придерживаются принципа незаменимости моральных норм [5, с. 89]. Казалось бы, налицо ценностный консенсус на уровне межличностного взаимодействия, индивидуалистических ценностей, которые представляют предпосылки для включения процессов социальной консолидации, выработки приемлемых поведенческих моделей, но дело в том, что демонстрация данных ценностей связана с личным выбором и не предполагает консолидации.

Очевидно, что структурные ограничения, связанные с достижением модели успеха, закреплённой как нормативной, влияет и на индивидуализацию восприятия данных ценностных суждений. Примечательно, также и то, что так называемые "беспринципные" россияне, демонстрирующие ценности обогащения и пренебрежения моралью распределены, как отмечалось ранее, среди всех слоев населения, в том числе и бедных. В этом смысле есть равнение на воображаемый, отчасти, образ богатых, уверенность в том, что богатства в России нельзя добыть честным путем. Неприлично быть бедным лучший идеал жить в режиме чувства себя самодостаточным, обладающим потребительскими и имущественными свойствами, признанными как социально аттрактивные.

Здесь следует учитывать, что чаще всего респонденты имеют дело с воображаемыми моделями, чем с реальностью и аттрактивность ценностей и антиценностей определяется их видением в публичном дискурсе, в системе узнаваемости. Однако, обращает на себя внимание, что избыточные социальные неравенства не связываются

с попранием коллективистских ценностей и относятся к сфере обыденности, правила, не содержат осуждения. Действительно, как показывает анализ социологических исследований, в интерпретации избыточных неравенств, как несправедливых, не возникает эффект отторжения тех, кто поддерживает режим социальных неравенств, не обращается в гнев и возмущение по отношению к богатым.

Вероятно, действует и то, что российские богатые отгорожены от общества словными, имущественными и символическими различиями, что есть определенная схема «богатые и остальные». Социальные неравенства влияют на то, что ценности воспринимаются в качестве одних из множества маркеров социальных групп и не являются ценностями мобилизационного назначения. Рассматривая структурные ограничения, следует обратить внимание на то, что группы в российском обществе так и не стали группами для себя. Воспроизводство социальных позиций не связывается с институциональными ресурсами, с тем, чтобы через организационные, нормативные возможности реализовать ценностные экспектации.

Литература

1. Россия: трансформирующееся общество М., 2001 С. 31.
2. Волков Ю.Г., Бинева Н.К., Посухова О.Ю., Сериков А.В. Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 2 (21). С. 71-95.
3. Российское общество и вызовы времени Кн.4 М., 2016.
4. Российская повседневность в условиях кризиса. М., 2009.
5. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 2. М., 2016.
6. Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Верещагина А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Средний класс в Ростовской области: поведенческие стратегии, ценностные установки и социальные ресурсы становления // Гуманитарий Юга России. 2015. № 1. С. 45-59.
7. Сериков А.В. Социальные технологии консолидации российского общества в условиях геополитической конкуренции // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 12-2. С. 26-33.
8. Средний класс в России: экономические и социальные стратегии М., 2003
9. Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Часть 2. // Вестник Института социологии. 2014. № 1 (8). С. 33-55.

Grishchenko Mikhail Aleksandrovich, director of the College of Law and Social Security of the Rostov Institute of Entrepreneur Protection, Applicant; Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University (160, Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: mihail_ag@mail.ru

FUNCTIONALITY OF COLLECTIVIST AND INDIVIDUALISTIC VALUES IN THE RUSSIAN SOCIETY

Abstract

The purpose of article is the research of structural and institutional parameters of reproduction of collectivist and individualistic values in the vital strategy of Russians. The author of article recognizes that in formation of vital strategy of Russians the vital purposes which are implemented in the context of assessment of chances, a corridor of opportunities and models of success and usefulness are priority. According to the author's position, social inequalities and the weak institutional environment exert the blocking impact on valuable set of Russians that is resulted in symbolism of collectivist values and an instrumentalization of individualistic values.

Keywords: *collectivist values, individualistic values, vital strategy, selection of values, assessment of chances, corridor of opportunities.*